

А. И. МАСЛОВА

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ ДЛЯ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА «ДЕЛО “ПРОМПАРТИИ”»

Статья посвящена реконструкции одной из крупнейших советских демонстраций 1930 г., проходившей в рамках кампании, связанной с проведением показательного суда над советскими инженерами, известного как «дело “Промпартии”». На основе профсоюзной документации в статье анализируется динамика проведения демонстрации и предшествующих ей митингов. Демонстрация рассматривается как форма взаимодействия формирующегося сталинского режима со своей социальной базой (одновременно же и референтной группой) – рабочей средой.

Ключевые слова: демонстрация, митинг, судебный политический процесс, «дело “Промпартии”», профсоюз, профсоюзная документация

Проведение показательных судебных процессов, будучи характерной чертой политической жизни раннесоветского государства и общества, приобрело значительный размах в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда в Москве состоялись три крупномасштабных открытых суда над объявленными по сфабрикованным «делам» «вредителями» (Шахтинский, «Промпартии» и «Меньшевицкий» судебные процессы), каждый из которых имел провинциальные «следы» из десятков более мелких судебных слушаний.

Политический процесс по делу «Промпартии», проходивший в Колонном зале Дома Союзов 25 ноября – 7 декабря 1930 г., наиболее значительный из трех названных «вредительских» процессов с точки зрения целей, которые на него возлагало сталинское руководство, а также ресурсов, затраченных даже не столько на организацию и проведение самих судебных заседаний, сколько на связанную с этим сопроводительную мобилизационную кампанию¹.

Масштабная печатная пропаганда, сопровождавшая ход судебного процесса над «Промпартией», ежедневная радиотрансляция из зала суда, съемка, наряду с немой кинохроникой, одного из первых советских озвученных документальных фильмов – это и многое другое из арсенала машины Агитпропа было рассчитано на отечественную, а

¹ Исследование судебных политических процессов как сфальсифицированных показательных акций формирующегося сталинского режима основано на работах А.А. Есиневича и С.А. Красильникова, а также на работе Н.Б. Арнаутова, изучавшего формирование образа «врага народа» в советской пропаганде и его отражение в стереотипах массового сознания групп советского социума. См.: Есиневич 2004. С. 31-42; Красильников 2014; Арнаутов 2012.

также на зарубежную аудиторию. Если рассматривать кампанию суда в средствах массовой информации, то она проводилась не только по государственной линии, но и по линии органов печати Коминтерна и иностранных компартий. Непосредственно на судебном процессе по делу «Промпартии» присутствовали в качестве корреспондентов и приглашенных гостей известные фигуры того времени – лидер французских коммунистов Марсель Кашен, журналист Михаил Кольцов, легенда немецкого пролетариата Макс Гельц и др.

Особое место отводилось ставшему традиционным мероприятию, сопровождавшему подобные судебные процессы в Москве – организация массовых митингов и демонстраций. Демонстрации и митинги проводились по всем крупным городам страны и играли роль своеобразного «публичного индикатора», показывающего поддержку народом правительства СССР. Логика проста: показательному суду требовалась показательная демонстрация народной солидарности.

Взаимная показательность носила социально-политический характер. Дело в том, что на процессе «Промпартии» в конце 1930 г. «судили» не просто «инженеров-вредителей»², будто бы создавших нелегальную антисоветскую партию, но якобы готовившихся поддержать иностранную интервенцию. Лозунги антивоенного содержания становились тем самым мобилизационным рычагом воздействия на массовое сознание, на который возлагал главную надежду И.В. Сталин, инициируя судебный процесс над никогда не существовавшей в реальности «Промпартией». Синдром возможной внешней агрессии (положение СССР как «осажденной крепости»), начавший формироваться несколькими годами ранее (с весны–лета 1927 г. и получивший образное название «военной тревоги»), требовал постоянного нагнетания обстановки угрозы войны, поэтому публичный суд над «пособниками» военного вторжения в СССР находил общественный резонанс, и пропаганда использовала патриотический ресурс на полную мощь.

Становление сталинского режима личной власти требовало расширения его социальной опоры. Однако начавшаяся в 1930 г. принудительная коллективизация деревни, вызвавшая массовый протест крестьянства, обозначила кризис власти, опиравшейся преимущественно на город, пролетарские массы и государственных служащих. В данных условиях власти следовало заручиться поддержкой этих слоев, и здесь как нельзя кстати реанимировался лозунг борьбы против «вредительства» специалистов, апробированный в ходе Шахтинского процесса 1928 г., безошибочно эксплуатировавший «спецеедческие» настроения

² К следствию и выведению на показательный судебный процесс было привлечено восемь инженеров и профессоров: Л.К. Рамзин, В.А. Ларичев, Н.Ф. Чарновский, И.А. Калинин, А.А. Федотов, К.В. Ситнин, С.В. Куприянов, В.И. Очкин.

рабочего класса, а утверждения обвинительного заключения о прямой связи руководства «Промпартии» с французскими правительственными и военными структурами еще больше накаляли напряженную обстановку. Техническая интеллигенция вновь попала под «бдительный пролетарский контроль», и это налагало на нее дополнительные обязательства в демонстрации мобилизационной готовности вместе с рабочими «противостоять интервенции». Иными словами, от технических специалистов требовалось публичное выражение поддержки существующему политическому режиму в проводимой этим режимом политике.

В любой кампании мобилизационного типа важнейшей чертой выступает ее массовость, обеспечением которой занималась многоуровневая система формально негосударственных, а фактически полугосударственных по своей субординации общественных организаций, среди которых ведущее положение занимали профессиональные союзы. О самостоятельности последних речи быть не могло, любая масштабная акция, рамки которой выходили за пределы предприятий и учреждений, являлась директивно установленной и санкционированной «сверху». Не стали исключением и крупные демонстрации в городах, приуроченные к началу процесса над «Промпартией», руководство над которыми брали на себя партийные органы, а массовость обеспечивала профсоюзная вертикаль – от ВЦСПС до низовых ячеек.

Реконструировать столь крупное агитационно-пропагандистское мероприятие и его проведение в столичных городах (Москва и Ленинград) позволяет документация архивного фонда ВЦСПС, где сохранились материалы, начиная от подготовительных действий профсоюзов и статистики «присутствия» трудящихся на демонстрациях, заканчивая фиксацией настроений разных групп работников до, во время и после уличных манифестаций в связи с судебным процессом по «делу “Промпартии”». О демонстрациях в столицах можно судить и по кадрам кинохроники, специально снятой для широкого проката, а также из оценок иностранных корреспондентов и советской периодической печати.

Данные фонда ВЦСПС позволяют выяснить как численность выведенных на улице отраслевыми профсоюзами людей, так и социально-профессиональный состав демонстрантов. Ценность этой документации заключается в том, что она содержит не отраженную другими документами информацию о настроениях и реакции целевых социальных групп (рабочих, служащих, интеллигенции) на конкретное событие *в динамике*: профсоюзные отчеты описывают не только собственно демонстрацию, но и пролог (митинги на заводах, проходившие до начала судебного процесса 23 и 24 ноября), а также эпилог (реакцию городских масс на вынесенный судебный приговор).

Первая волна – это митинги рабочих на заводах накануне судебного процесса. За их организацию и проведение непосредственно от-

вечали профсоюзные организации. По отчетным данным московского руководства от 29 ноября 1930 г. в митингах в преддверии показательного суда участвовали рабочие 91 столичного предприятия, или семи отраслевых профсоюзов (речь, как отмечалось в отчете, шла только о тех предприятиях, которые предоставили информацию). Процент явки трудящихся на митинги держался на достаточно высоком уровне и составлял в среднем 70-90% от общего числа рабочих, что оценивалось цифрой около 100 тыс. чел.³ Каждый митинг включал в себя не только резолюцию протеста против «вредителей» – в течение того же дня на предприятиях проводилась дополнительная подписка на внутренние займы, тогда же происходил публичный прием в партию работников предприятий, причем не только рабочих, но и отдельных специалистов. Отчеты с мест не отличались разнообразием: как правило, настроение рабочих на митингах оценивалось профсоюзниками как «здоровое». Типичный митинг на фабрике им. Ногина описывается в отчете следующим образом: «Сегодня по окончании работы, было общефабричное собрание, на которое собралось около 700 чел. Настроение рабочих бодрое и приподнятое, выступлений в оправдание вредителей не было, в резолюции рабочие требуют расстрела всех вредителей, после чего вся смена вышла на демонстрацию»⁴.

В описанных данных, составляющих своеобразную отчетную матрицу о проведенном мероприятии, обнаруживается его сценарный, четко установленный характер. Здесь налицо все основные признаки его успешности: главное – обеспечена массовость с охватом собранием всех цехов; если оставить за рамками анализа «бодрость и приподнятость» настроения рабочих, то дальше все было запрограммировано – в защиту обвиняемых никто не выступил (да и трудно представить такое, когда собрана столь внушительная масса работников), в резолюции был зафиксирован призыв к суду о расстреле «рамзинцев»; на следующий день состоялся массовый выход после окончания работы на уличную демонстрацию. Профсоюзные отчеты не дают оснований сомневаться в массовости как рабочего негодования в отношении подсудимых, так и в том, что профсоюзы вывели на улицы Москвы крупные коллективы заводов и учреждений едва ли не в полном составе. Гораздо сложнее ответить на вопрос о природе столь значительной мобилизационной активности рабочих, которой удалось добиться профсоюзам. Один из ответов, возможно, лежит в плоскости массовой психологии – чем крупнее, масштабнее и политически ангажированнее были публичные акции типа митингов и демонстраций, тем труднее было избежать участия в них и, тем более, решиться на поступок протестного характера.

³ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 30.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 25.

Вторая волна кампании – кульминация показательной активности масс – это непосредственно демонстрация. В первый день проведения судебного процесса «Промпартии», 25 ноября 1930 г. в четыре часа дня колонны демонстрантов прошли по улицам Москвы мимо Колонного зала Дома Союзов. По сообщениям центральных газет, демонстрация рабочих и служащих в столице насчитывала 1 млн. 200 тыс. чел.⁵ Кадры кинохроники запечатлели масштаб шествия, производившего сильное впечатление на очевидцев. «Напряженное спокойствие», – так описывали корреспонденты центральных советских газет настроение демонстрантов⁶. Крупные демонстрации 25 ноября проходили также на улицах Ленинграда (700 тыс. чел.) и других городов Советского Союза. На ленинградской демонстрации, что можно увидеть на кадрах кинохроники, показательно были выведены танки.

Данные московской областной организации отраслевых профсоюзов зафиксировали наибольший процент выхода на улицы рабочих от профсоюза металлистов – 98% от числа членов профсоюза, или 44 тыс. чел. (сведения предоставили 15 предприятий). Далее, по убывающей – рабочие профсоюза печатников (87% от 9 предприятий); рабочие деревообрабатывающей промышленности (85% от 13 предприятий); рабочие-текстильщики пополнили число демонстрантов на 34 тыс. чел. (81% от 18 предприятий). При всей неполноте статистики ясно, что ядро рабочих на демонстрации в Москве составили металлурги и текстильщики – их представительство оказалось существенно выше, чем для профсоюзов пищевиков, строителей, медиков, обеспечивших явку чуть более половины работавших. Здесь очевидна корреляция между размерами предприятий и долей явки на демонстрацию: металлургические и текстильные заводы и фабрики с их многотысячными коллективами традиционно обеспечивали массовость такого рода акций.

Ряд фабрик и заводов Москвы и Московской области обеспечили тотальную явку на демонстрации в столице и тех городах Подмосковья, где прошли шествия. Среди крупных фабрик и заводов с количеством рабочих от 1300 чел. и выше, согласно отчетности профсоюзов, полная явка на демонстрацию зафиксирована на заводе «Серп и Молот», заводе «Авиахим №1», заводе им. Калинина, фабрике «Красная заря», 6-ой пуговичной фабрике; близкую к полной явку обеспечили работники завода «Динамо» (98%), Коломенского завода (97%).

«Врагами» на судебном процессе по «делу “Промпартии”» выступали, как уже отмечалось выше, «вредители» и «иностранные интервенты» (последние в роли подстрекателей внутренних «врагов»), что отразилось на лозунговой и оформительской стороне demonstra-

⁵ Правда. 1930. 26 нояб.; Известия. 1930. 26 нояб.

⁶ Правда. 1930. 26 нояб.

ций. Переносая взгляд с документов на живую действительность, по кадрам заснятой кинохроники можно наблюдать, что лозунги, направленные против интервенции, преобладали в ходе демонстрации в сравнении, например, с лозунгами против «спецов-вредителей».

Анализ материалов центральной периодической печати на предмет лозунгового сопровождения дает основания отсчитывать начало пропагандистской кампании с 7 ноября 1930 г., когда впервые за рассматриваемый временной отрезок печатной пропагандой был введен в оборот лозунг об «угрозе интервенции». 11 ноября в газетах было опубликовано обвинительное заключение по «делу “Промпартии”»⁷. С 10 по 24 ноября пропагандистская кампания в советской центральной печати (газеты «Правда», «Известия») набирала обороты. Количество лозунгов, посвященных судебному процессу, в одном номере газеты «Правда» до 17 ноября было не более 3-х, с 18 ноября частота употребления лозунгов возросла с 5 до 8, в первые дни судебного процесса доходя до 11-15 (25 и 26 ноября). Две ключевые даты – 7 ноября и 25 ноября 1930 г. – соответственно запуск «анти-интервенционистского» лозунга и начало показательного суда над «интервенцией и вредителями» – были значимыми в рассматриваемом контексте также и потому, что в эти два дня, в двухнедельный временной отрезок, проводились крупные демонстрации. Демонстрация 7 ноября, по данным газеты «Правда», проводилась при участии 1,5 млн. чел.⁸ Хотя она была посвящена празднованию 13-й годовщины Октябрьской революции, при более широком взгляде это была одна, хорошо выстроенная, мобилизационная кампания, рассчитанная на достижение максимального результата с точки зрения вовлечения референтных групп социума.

Из «отрицательных моментов» в ходе проведения демонстрации профсоюзные деятели отметили низкую активность («недостаточную вовлеченность») в протестную акцию) инженеров, преподавателей вузов, научных сотрудников. Это, с одной стороны, объяснимо тем, что часть научной и технической интеллигенции расценивала обвинения в адрес «рамзинцев» как фальсификацию, и это зафиксировано в сводках ОГПУ о настроениях в кругах специалистов в связи с «делом “Промпартии”»⁹. Другой фактор традиционно низкой активности этих групп – слабая степень профессиональной консолидации в их среде.

Профсоюзные документы зафиксировали факты проявления негативной реакции среди рабочих на судебный «вредительский» процесс. Так, открыто высказанное суждение рабочего Иванова о судебном процессе («сами наделали, а теперь обвиняют людей в контрреволюции»)

⁷ Правда. 1930. 11 нояб. С. 3-6; Известия. 1930. 11 нояб. С. 2-5.

⁸ Правда. 1930. 10 нояб.

⁹ «Совершенно секретно»... С. 1210-1211.

вкупе с другими «антисоветскими» высказываниями привели к исключению его из профсоюза и последующему увольнению. В том же обзоре помещено высказывание рабочего по фамилии Короза (завод «Красная Звезда»), собравшего возле себя группу рабочих со словами: «Чего нам бояться интервенции. Придут, нас не тронут. Будут бить только коммунистов. А мы и так голые и босые. Нам интервенция не страшна»¹⁰. Единичность таких оценок в рабочей среде вовсе не свидетельствует о монолитной поддержке рабочими инициативных «сверху» политических акций. Примечательно то, что над такого рода «одиночками» производилась демонстративная расправа (увольнение с работы с «волчьим билетом») как предостережение другим работавшим.

По оценке немецкого исследователя М. Рольфа, в период первой пятилетки советские демонстрации, как и массовые праздники в целом, призваны были подчеркивать единство коммунистического руководства и трудящегося народа в условиях «враждебного окружения»¹¹. Известно, что идея о существовании и угрозе «внешнего врага» отличается социальной живучестью и легко усваивается массовым сознанием. Ею гораздо проще, в силу глобальности и недоступности для рациональной проверки информации, оперировать в мобилизационных кампаниях, нежели бороться с реальными политическими оппонентами, что всегда требовало продуманной и убедительной аргументации, какой часто не было у радикального крыла сталинской власти. Картонный «Пуанкаре – война», изображение которого мелькало над колоннами идущих демонстрантов, был настолько же символичен, насколько и опасен как образ надвигавшейся извне военной угрозы. Восемь «разоблаченных приспешников» во главе с проф. Рамзиным казались жалкими и ничтожными, но уже обезвреженными персонажами.

Возникает вопрос о причинах участия рабочих в демонстрациях: носила ли данная публичная акция формальный характер, либо она отражала реальные настроения рабочих, их солидарность в отношении показательного суда над «вредителями»? Как соотносились проявления политической активности рабочих с тем, что уровень их жизни, без того довольно низкий, к концу 1930 г. продолжал понижаться?

Авторитет высшего советского руководства в среде рабочих был достаточно высок, чтобы вопрос о неправомочности действий власти у них практически не возникал. В частности, судебный процесс над «вредителями» недоверия у рабочих не вызывал. Подавляющее большинство рабочих действительно выражало поддержку в проведении властью показательного суда над «Промпартией». Кроме того, важно учитывать ментальные характеристики большинства групп раннесовет-

¹⁰ Там же.

¹¹ Рольф 2009. С. 161-162.

ского общества конца 1920–1930-х гг. Современное развитие антропологического направления исследований в изучении советской истории позволяет говорить о том, что «вера в социализм» была сильна. Как отмечает Н.Б. Лебина, ценности социализма как мировоззрения удачно ложились на патерналистские ценности большинства населения, во многом заменяя традиционные религиозные представления. В основе новой системы ценностей лежали такие постулаты, как труд во благо социализма, жертвенность, готовность переносить лишения, а «новый человек» должен быть наделен упорством, мужеством, силой, отвагой¹². Важной составляющей новой идеологии в 1920–1930-х гг. был и оставался в последующем образ «врага». Бинарные оппозиции типа «враг – друг», «добро – зло» и др., на которых выстраивалась конфронтационная мобилизационная пропаганда, также не вызывали отторжения и усваивались массовой традиционалистской психологией. Поэтому «вредительские» судебные процессы воспринимались рабочими как неизбежное возмездие, расплата за содеянное «врагами» зло. Свое значение имел и тот факт, что с 1929 г. в ходе форсированной индустриализации в промышленность хлынула деревенская масса и «новые рабочие» готовы были принимать «новые ценности».

С другой стороны, судебный процесс над «Промпартией» принимался рабочей средой упрощенно – как очередная политическая акция против «буржуазных спецов». Показательный суд над «рамзинцами» преследовал очевидную прагматичную цель властей – перенаправить негативные настроения рабочих в сторону «вредителей» как основных виновников трудностей в стране. Говорить о сознательном (и тем более самостоятельном) активном выступлении рабочих *на стороне партии* было бы преувеличением. Об этом свидетельствует и предписанная «сверху» форма участия в демонстрациях с «лимитами» по предприятиям и учреждениям, и низкий уровень политической культуры населения в целом. Рабочие действовали, скорее, исходя из навязанных и при этом хорошо усвоенных классовых стереотипов, когда «класс выступал против класса». Это подтверждается и результатами пропагандистской кампании, в соответствии с которыми рабочие, как правило, сосредотачивали внимание не на содержании и обоснованности обвинений подсудимым, а на вынесении последним сурового приговора. Содержание центральных печатных изданий, особенно в той части, где переданы «отклики» рабочих на судебный процесс¹³, переполнено требованиями высшей меры наказания «вредителям» и *однообразными* формулировками принятых на собраниях резолюций – например, «долой вредителей», «смерть вредителям», «расстрелять вредителей».

¹² Лебина 1999. С. 147–149.

¹³ Правда. 1930. 27 ноября. С. 2; Известия. 1930. 30 ноября. С. 2.

С этой точки зрения, внесение в рабочую среду более сложных оценочных суждений, рассчитанных на дифференцированное восприятие той же технической интеллигенции и резолюций о «смычке» со «здоровой» частью специалистов, не могло иметь позитивного отклика. Негативная консолидация «против» специалистов удачно ложилась на антиинтервенционистские лозунги. В состоянии страха, неуверенности, растерянности уровень внушаемости и некритической оценки того или иного действия существенно увеличивается¹⁴. Опасность соединения угроз внутренних и внешних давала важную мотивацию участия рабочих в публичной протестной акции. Кроме того, участие в демонстрации мог принять далеко не каждый: здесь также действовали свои стандарты соответствия – основное значение имело социальное происхождение. По мнению М. Рольфа, изучавшего технологии организации советских праздников, праздничное сообщество – это круг избранных¹⁵. Аудитория рабочих, будучи провозглашаемой передовой и сознательной силой, наверняка осознавала свой приоритет по отношению к другим группам и шла на выполнение отводимой ей социальной роли.

О реакции рабочей массы на вынесенный судом приговор и последовавшую замену ЦИК СССР смертного приговора для основных обвиняемых длительными сроками заключения можно судить по отчетности отраслевых профсоюзных органов в ВЦСПС 8-10 декабря 1930 г. Смягчение ранее вынесенного Специальным присутствием Верховного Суда СССР (под председательством А.Я. Вышинского) расстрельного приговора «вредителям» вызвало волну возмущений, непонимания и протестов со стороны рабочих. Характерная реакция выражалась в высказываниях: «Они уничтожают миллионы масс и наше строительство, а мы боимся их расстрелять» (рабочий Луганского завода Величко); «Весь союз рабочего класса постановил расстрелять, а правительство отменяет и выносит на рабочее собрание, делает, что хочет – пусть тогда рабочих не спрашивают и делают, как хотят»¹⁶ (рабочие Луганского завода Чернявский и Гольшев).

В Президиум ЦИК СССР в адрес М.И. Калинина поступило около сотни протестных писем. В письме рабочего П. Бондарева, отправленном из Ленинграда 9 декабря, нашли отражение одновременно и гнев, и разочарование действиями власти (стилистика письма сохранена):

В день открытия суда мы бодро шагали на площадь Урицкого, мы несли плакаты, на которых под лучами прожекторов сияли надписи «Требуем расстрела контрреволюционным вождям Промпартии», «Смерть врагам Социалистической стройки» и проч. Мы шли бодро, крепкими шагами измеряли свой путь и как будто чувствовали, что мы идем в бой с буржуазией. Это шли не единицы и

¹⁴ Поршневу 1979. С. 157.

¹⁵ Рольф 2009. С. 166.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 761. Л. 36.

не сотни, а тысячи, десятки тысяч, миллионы. Даже в день объявления приговора мы, работающие в ночную смену, ночью услышали, что Рамзину – расстрел, др. то же, Очкину 10 лет, Ситнину 10 лет и т. д., и мы сразу уже здесь под голос рупора радио невольно захлопали, в нас загорелась кровь, мы этого ждали, мы это в результате приветствовали, не только фармально, а в наших напряженных жилах [...] Разве можно дать другой приговор этим Рамзиным, разве дорого их раскаяние, да, оно нам было нужно, но оно не должно отменять расстрела. Если Верховный Суд вынес этим ученым людям свое наказание, так это уже не месть, а «награда» за их заслуги. Зачем же ты Михаил Иванович явился в этом деле таким мягкотелым, вынося постановление ЦИКа от 8/XI с/г по делу «Промпартии»? Кто тебя просил давать смягчения, скажи хотя бы в печати. Разве ты не читал и не знал, что говорили миллионы таких, каким был раньше ты...¹⁷

Анализ динамики организованной силами профсоюзов кампании поддержки рабочей массой процесса «Промпартии» показывает достаточно высокий уровень вовлеченности рабочих в такого рода политические публичные акции. Сопроводительная кампания, включавшая в себя митинги в канун судебного процесса, демонстрационные марши в день начала суда и митинги по его завершению – весьма наглядный пример того, как работал мобилизационный механизм формирующегося сталинского режима. Хотя факты говорят о том, что с наибольшей долей вероятности рабочими двигал мотив классового противостояния («против»), в официальных документах акценты проявленного рабочими активизма делались на солидарность рабочих и коммунистической партии. Так, в той же профсоюзной документации резюмировалось: «В день открытия суда над вредителями 25/XI, трудящиеся фабрик и заводов Москвы после окончания трудового рабочего дня с 4-х часов дня до поздней ночи *вышли на улицу демонстрировать свою преданность делу социалистического строительства, демонстрируя под лозунгом партии и ее ленинского ЦК* (курсив наш – А.М.)»¹⁸.

В модели взаимодействия сталинской власти с основной своей социальной опорой, рабочим классом, находит отражение своеобразный договор, основанный на компромиссе между реальными настроениями рабочих, которые в рамках отведенной для них роли участвовали в инициированных «сверху» акциях поддержки и солидарности с действиями власти, и политической системой, которая удовлетворялась лояльностью рабочих в митингово-демонстрационной форме. «Размычка» между ними, выраженная негодованием значительной части рабочих на пересмотр ожидавшегося расстрельного приговора, скорее, говорила о том, кто был реальным постановщиком показательного судебного процесса «Промпартии».

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1036. Л. 97–97 об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 25.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный Архив РФ (ГА РФ). Ф. 5451. – Оп. 14. – Д. 761; Ф. Р-5451. – Оп. 14. – Д. 223; Ф. Р-3316. – Оп. 23. – Д. 1036.
- Известия. – 1930 – 11 нояб.; 26 нояб.; 30 нояб.
- Правда. – 1930. – 10 нояб.; 11 нояб.; 26 нояб.
- «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 8. Ч. 2. М.: Институт российской истории РАН, 2008.
- Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934–ноябрь 1938 г.). Новосибирск: НГУ, 2012.
- Есиневи́ч А.А. Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии». СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004.
- Красильников С.А. Советские судебные политические процессы в 1920–1930-е гг.: причины, организация, последствия. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999.
- Поршне́в Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
- Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

REFERENCES

- Gosudarstvennyj Arhiv RF (GA RF) – F. 5451. – Op. 14. – D. 761; F. R-5451. – Op. 14. – D. 223; F. R-3316. – Op. 23. – D. 1036.
- Izvestija. – 1930 – 11 nojab.; 26 nojab.; 30 nojab.
- Pravda. – 1930. – 10 nojab.; 11 nojab.; 26 nojab.
- «Sovershenno sekretno»: Lubjanka Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934). T. 8. Ch. 2. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2008.
- Arnautov N.B. Obraz «vraga naroda» v sisteme sovsckoj social'noj mobilizacii: ideologo-propagandistskij aspekt (dekabr' 1934-nojabr' 1938 g.). Novosibirsk: NGU, 2012.
- Esinevich A.A. Mnimye vrediteli. «Shahtinskoe delo». «Delo Prompartii». SPb.: IPC SPGUTD, 2004.
- Krasil'nikov S. A. Sovetskie sudebnye politicheskie processy v 1920–1930-e gg.: prichiny, organizacija, posledstvija. Novosibirsk: RIC NGU, 2014.
- Lebina N.B. Povsednevnaia zhizn' sovsckogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody. SPb.: Izdatel'sko-torgovyj dom «Letnij Sad», 1999.
- Porshnev B.F. Social'naja psihologija i istorija. M.: Nauka, 1979.
- Rolf M. Sovetskie massovyje prazdniki. M.: ROSSPJeN, 2009.

Маслова Анжелика Игоревна, магистр истории, аспирант, Новосибирский государственный университет; maslovaanzhelika@mail.ru

The demonstrative demonstration for a demonstrative trial: the case of 'Industrial Party'

The article reconstructs one of the greatest Soviet mass demonstrations of the 1930s linked to the campaign, which was organized in connection to the show trial of Soviet engineers, the so-called case of the “Industrial Party”. The trade union records show the dynamics of the mass demonstration and of the meetings that had preceded it. Demonstration is seen here as a form, by which the emerging Stalin’s regime interacted with its social base (and reference group) – the labourers.

Keywords: judicial political process, the case of ‘Industrial Party’, trade union documentation

Anzhelika Maslova, MA (History), graduate student, Novosibirsk State University; maslovaanzhelika@mail.ru